

Гермиона сидела на маленькой скамейке перед зеркалом, которое было общим для других девочек из ее общежития и для нее самой. Ее рука дрожала, когда она наносила на губы слой блестящей помады. Она смотрела на свое отражение, сомневаясь, узнает ли она человека по ту сторону. Над Шотландским нагорьем опустилась ночь, и ее соседи по комнате уже давно погрузились в сон, оставив Гермиону в одиночестве спорить с самой собой.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как она продала свою гордость ради того, чтобы занять первое место в классе зелий, и она все еще чувствовала вкус спермы Слизнорта, даже после того, как попыталась избавиться от него. Когда она согласилась на это, она верила, что так будет правильно, что магглорожденный должен быть готов бороться изо всех сил, чтобы получить то, что он заслужил. Но с течением времени она начала сомневаться, действительно ли такой безжалостный подход стоит того, чтобы продать свою душу, не потеряла ли она часть себя в тот момент, когда согласилась на предложение Слизнорта.

Даже когда она медленно накладывала на лицо столь непривычный для нее грим, она все еще не могла определиться. Из того немногого, что она знала об обширных связях Слизнорта в волшебной Британии, Гермиона поняла, что согласие на встречу с ним будет необратимым решением. Как только она переступит эту черту, она навсегда останется в его кармане, маленькой частью его постоянно расширяющейся сети. Но она не могла отрицать, что была амбициозным человеком, она знала себе цену и не собиралась позволять таким, как Малфой и ему подобные, удерживать ее из-за их неуместных представлений о чистоте.

Гермиона положила помаду обратно в ящик и закрыла глаза, принимая самое важное решение в своей жизни. Она встала и направилась в общий зал, пробираясь по затемненным коридорам Хогвартса, убедившись, что карта спрятана в кармане юбки. Не желая позволить разуму поколебать ее решимость, Гермиона позволила амбициям взять полный контроль над собой, она будет играть со Слизеринами в их собственную игру, которую она не собиралась проигрывать.

"Эй!" Гермиона замерла на месте, услышав грубый голос Филча. "Не в твою ночь патрулировать коридоры, Грейнджер. Опять с Поттером проблемы, да?".

Гермиона прикусила язык и сунула руку в карман, доставая маленькую карточку, которую тут же протянула Филчу. "Думаю, вы поймете, что у меня есть разрешение от профессора Слизнорта!"

Филч выхватил карточку и изучил ее, нахмурившись, когда обнаружил, что это законный пропуск, подписанный слишком экстравагантной подписью Слизнорта. "Для чего это? Какая у тебя может быть работа, которую нужно выполнить так поздно ночью?"

Гермиона схватила карточку и надменно подняла голову, радуясь, что злобный смотритель упустил еще один шанс применить свою архаичную форму наказания. "Это не ваше дело! А теперь, если вы меня извините, я должна присутствовать на собрании!"

Гермиона пошла дальше, спускаясь по холодным ступеням, ведущим в подземелья. Когда она

дошла до двери, ведущей в кабинет Слизнорта, она выпрямила спину и сделала все возможное, чтобы выглядеть уверенной, понимая, что слизеринская натура мастера зелий означает, что он будет внимательно следить за каждым ее движением, за каждым ее поступком. Она постучала в дверь и стала ждать, что будет дальше.

Дверь со скрипом открылась, Слизнорт просунул голову и широко улыбнулся, увидев Гермиону, стоящую по другую сторону. "Мисс Грейнджер! Вы пришли, хотя я не сомневался в вас ни секунды. Входите, входите, позвольте мне взять вашу мантию".

Гермиона шагнула внутрь с небольшой улыбкой. Это был первый раз, когда она видела кабинет профессора не в чрезвычайных обстоятельствах, в нем царила странная интимная атмосфера, а свет свечей придавал ему теплое сияние. Проигрыватель пластинок наполняла мягкая оперная музыка, небольшой огонь потрескивал, когда левитирующая кочерга разжигала поленья. Стены были увешаны фотографиями многих людей, которых Гермиона узнала, включая самых известных людей Волшебной Британии, от политиков до актеров и актрис. Она даже заметила фотографию профессора в объятиях с женщиной, которую она узнала как мать Гарри. Здесь была обширная коллекция дорогих подарков, которые дарили Слизнорту на протяжении многих лет, начиная с самых ранних лет его жизни.

Слизнорт вернулся из своего кабинета с парой фужеров шампанского, передав один из них Гермионе. Любая форма алкоголя была чужда гриффиндорке, ее всегда беспокоила мысль о том, что она может опьянеть, но она напомнила себе, что должна продолжать выступление. "Вы ожидали кого-то другого, профессор?"

Хм?" Slughorn grunted. "Нет, нет, но здесь нельзя быть слишком осторожным. Здесь довольно много контрабанды, я не хочу, чтобы Филч попал в руки. Но хватит формальностей, зовите меня просто Гораций, моя дорогая. А теперь тост за новых друзей".

Гермиона подняла свой бокал и стукнула им о бокал Слизнорта, сделала быстрый глоток из фужера, зажмурился от сильного вкуса, омывшего ее вкусовые рецепторы. Слизнорт взял ее за руку и подвел к изящно сделанному шезлонгу, отделанному пурпурным цветом с золотой отделкой по каркасу.

Слизнорт сел рядом с ней, положив руку ей на бедро, и стал блуждать глазами по телу Гермионы, едва сдерживая желание сорвать с нее форму. "Должен сказать, Гермиона, за то короткое время, что я здесь, я стал восхищаться тобой. Твоя способность учиться и впитывать каждую крупицу информации не может быть недооценена. И я бы солгал, если бы не сказал, что вы действительно красивая женщина, а платье, которое вы надели на последнюю встречу Клуба слизней, делает вас на голову и плечи выше остальных".

"Я... спасибо, Гораций", - покраснела Гермиона, чувствуя, как пальцы Слизнорта ползут по ее обнаженному бедру, пока его рука не скрылась под юбкой. "Это было просто то, что я одолжила, мой гардероб не такой экстравагантный".